

Янь Цзыцзюнь приходил в себя мучительно, словно выныривал из вязкого, беспросветного марева. Сознание путалось, перед глазами плыли неясные тени, а в ушах стоял нестройный гул голосов.

Внезапно тишину прорезала хриплая брань. Шаги приближались, и вот прямо за дверью кто-то остановился, зло сплюнув:

— Тьфу, пропасть! Сдался мне этот доходяга... Только убытки от него, будь он неладен.

— Да брось ты, Лао Чэнь, — отозвался другой голос, помягче. — Парень-то уж остывать начал, а тут возьми да очнись. Живучий, видать, гэер, раз сама смерть его не прибрала. Может, завтра всё ж кликнем лекаря, пусть глянет?

— Лекаря? Ещё чего! — огрызнулся первый, судя по всему, тот самый плотник Чэнь. — Родителей нет, заступиться некому... Перетопчется! Моя лавка за год дай бог пару лянов серебра приносит, ты думаешь, я эти деньги из воздуха беру? Легко тебе болтать!

Собеседник на мгновение замялся и добавил вполголоса:

— А ну как дядька его хватится...

— Хватится? Ха! — Чэнь коротко и зло хохотнул. — Дядя его пять лянов серебра прикарманил, когда пристроил мальчишку ко мне в счёт долга. За все годы, почитай, кроме старого управляющего с сыном, никто и не поинтересовался, жив ли он вообще. Сдохнет — пусть идут к господину Суню и с него спрашивают, я тут ни при чём.

— Эх, жалко бедолагу. В такой семье родился, в достатке, а как родители преставились — вон как жизнь повернула. Дядька-то его...

— Да плевать! — Чэнь снова смачно сплюнул. — Тоже мне, благородная кровь. Ни мешка поднять, ни корзины донести... Возомнил себя барчуком в моей лавке, тьфу!

Звук этого плевка заставил Янь Цзыцзюня окончательно прийти в себя. Словно после долгого удушья, он судорожно, до боли в груди, втянул в себя воздух. Ледяной холод мгновенно полоснул по лёгким, вызвав приступ раздражающего кашля.

Кое-как приподнявшись, он огляделся. Крохотная, убогая каморка. Из обстановки — лишь шаткий стол да две скамьи. На столе, едва разгоняя густой мрак, мерцал фитилёк — крохотный огонёк испуганно метался под порывами сквозняка, грозя вот-вот угаснуть.

Янь Цзыцзюнь сидел на голых досках, заменявших кровать, и в оцепенении разглядывал свои руки, обноски, в которые был одет... Слух резала чужая брань за дверью.

«Где я? Что со мной?» — если бы не ломота в костях, не эта изнуряющая тошнота и голод, он бы решил, что всё ещё бредит на больничной койке.

Он ведь никогда не отличался крепким здоровьем. Школу пришлось бросить, программу осваивал сам, по ночам, надеясь на диплом... А потом — сорвавшийся в занос грузовик. Последнее, что он помнил: беззвучные, как в старом кино, всполохи света, запах антисептика и полные слёз глаза матери.

«Неужели выжил? Дышу?» — сердце заколотилось о рёбра. Он со всей силы ущипнул себя за щеку.

Боль. Настоящая, острая. Не сон.

Забыв обо всём, он рванулся с постели — скорее найти родителей, обнять их, показать, что он цел! Ведь это чудо! После такого удара...

Но стоило босым ногам коснуться пола, как силы оставили его. Колени подогнулись, и он мешком рухнул на грязные доски. Голова мотнулась, перед глазами вспыхнули искры, и в тот же миг в сознание хлынул поток чужих, пугающих воспоминаний.

Это был не он. Точнее, другой Янь Цзыцзюнь. Уроженец Цзинчжоу, сын зажиточных родителей из уезда Даньян. После их ранней кончины он и старший брат оказались на попечении дяди. Там-то они и познали, каков на вкус чужой хлеб.

Дядя по фамилии Сунь, единственный наследник в роду, был баловнем судьбы. К зрелым годам он не нажил ни ума, ни чести: связался с рыночным сбродом, пристрастился к игре и быстро пустил по ветру всё родительское наследство. Когда же в его руки попали племянники вместе с добром их покойного отца, он, недолго думая, прибрал всё к рукам. Мальчишек держали в чёрном теле, кормили объедками, одевали в рваньё. Сюэ-гэер не выдержал первым — сгорел несколько лет назад. Цзыцзюнь остался один.

Но и этого дяде показалось мало. Чтобы покрыть очередные игровые долги, он за пять лянов серебра сбыл племянника плотнику Чэню — якобы в ученики, а на деле — в рабство. У Суня и его семейки у самих в кошельках гулял ветер, так что выкупать парня никто и не собирался.

Прислушавшись к голосам за дверью, Цзыцзюнь с ужасом понял: дядя продал его во второй раз. Старик Чжану, местному богатею, — в наложники.

Хитрый старик Сунь провернул дельце мастерски: плотнику сказал, что забирает парня, а Чжану наплел, будто племянник отдан в ученики по контракту с правом выкупа на три года и срок вот-вот выйдет. Забрав деньги, семейка Сунь той же ночью исчезла в неизвестном направлении. Пока одураченный юаньвай Чжан соображал, что к чему, след их уже простыл.

Плотник Чэнь, однако, отдавать парня просто так не собирался. У него на руках была бессрочная продажа с подписью и печатью. Хотите забрать? Платите снова! Он уже предвкушал, как наживётся на перепродаже, но тут Цзыцзюнь свалился с горячкой. Едва богу душу не отдал. Убытки! Кругом одни убытки! Но, к счастью для Чэня, доходага очнулся.

— Проклятье! Ну и рожа... — донеслось снаружи. — Кожа да кости, краше в гроб кладут. Как этот старый хрен Сунь умудрился впарить такую немочь юаньваю Чжану?

Янь Цзыцзюнь потянул за край своего засаленного ватника. Тонкий, рваный... Он запустил пальцы в прореху и замер. Вместо хлопка внутри были набиты сухие сорняки и старый ивовый пух.

Сердце сжала ледяная тоска. Тот, прежний Цзыцзюнь, действительно умер этой ночью, не выдержав холода и лишений. А его место занял гость из другого мира.

Прошло немало времени, прежде чем за дверью всё стихло. Цзыцзюнь сидел на полу, оглушённый обрывками чужой жизни: редкие всполохи детского счастья под крылом родителей и бесконечная, серая череда дней в доме дяди и лавке плотника — побои, голод, непосильный труд.

«Значит, я переродился».

Он горько скривился.

«Выжил, чтобы снова страдать? Чтобы завтра меня продали какому-то похотливому старику? Разве это жизнь?»

Пока он тонул в мрачных мыслях, во дворе прокричали петухи. Небо посветлело, за воротами послышался шум. Вскоре раздался уверенный, спокойный голос:

— Этот гэер здесь?

— Здесь, здесь, господин, — засуетился плотник. — Сейчас выведем.

Дверь распахнулась от удара ноги. Чэнь, не глядя, кивнул помощнику, и тот, нагло схватив Янь Цзыцзюня за шиворот, буквально вышвырнул его на улицу.

Парень рухнул в грязный снег. В голове зашумело, перед глазами поплыли пятна. От слабости и двухдневного голода мир двоился. Он сплюнул кровавую кашницу вперемешку с грязью.

«Что за времена такие? Куда ни глянь — кругом зверьё, а не люди».

Подниматься он не спешил. «Пусть смотрят, — зло подумал он. — Я сейчас похож на огородное пугало, грязный, дохлый... Если этот Чжан всё ещё захочет меня купить, значит, он совсем из ума выжил. Плотник-то хорош — решил продать товар, даже не умыв его. Ну-ну, мечтай, старый дурак».

— Отчего он в таком состоянии? Болен? — раздался над головой тот же спокойный голос.

Чэнь, заискивающе улыбаясь, заломил руки:

— Что вы, господин Цзя! Цзыцзюнь у нас парень нежный, домашний... Намедни снег повалил, ну он и застудился малость. Пару дней полежит — и как новенький будет!

Цзыцзюнь исподлобья взглянул на гостя. Первым делом взгляд зацепился за дорогие сапоги с меховой оторочкой, затем — за добротный атласный халат, расшитый цветами, и шапку из соболя. Мужчине на вид было около сорока: лицо властное, открытое, во взгляде — спокойная уверенность человека, привыкшего распоряжаться в богатом доме. Сразу видно — знатный управляющий.

Цзыцзюнь тщетно пытался вспомнить: неужели в захолустном Даньяне есть такие господа? Чтобы даже слуга выглядел величественнее местных богатеев?

Мужчина недовольно цокнул языком. На плотника он даже не смотрел, обратившись сразу к парню:

— Идти сможешь?

Спутники гостя подхватили Цзыцзюня под руки, заставляя встать. Тот с трудом разлепил губы:

— Я... я... п-п-попробую...

Сердце ушло в пятки. «Проклятье! Этот гэер ещё и заикается...»

Но господин Цзя не выказал нетерпения. Он велел накинуть на парня плащ и принести еды. Голодный Цзыцзюнь, забыв о гордости, дрожащими руками схватил горячую лепешку и принялся жадно, давясь, запивать её горячей водой.

—... Господин Цзя, ну что же вы, десять лянов — это грабёж! Давайте хоть пятнадцать. Парень у меня как сыр в масле катался, одни расходы...

— Хватит врать! — отрезал управляющий. — Ты купил его за пять, выжал из него все соки, не платя ни гроша, да ещё и бил. Совести у тебя нет, Чэнь.

Цзыцзюнь мысленно поаплодировал. А сам продолжал набивать рот, стараясь не пропустить ни слова из их торга.

Господин Цзя холодно усмехнулся:

— Посмотри на него — живой труп. Десять лянов — это щедрое предложение. Или ты решил, что раз мы не здешние, то нас можно обчистить как липку?

— Что вы, что вы... — Чэнь поспешно вытер лоб, на котором выступила испарина.

Он нутром чуял, что с этим человеком шутки плохи. Мало того что одет по-царски, так ещё и за спиной — семеро молодцов, рослых да крепких, в глазах которых так и читалось: «только дай повод».

«Лучше уж сбуть этого доходягу сейчас, — решил плотник. — Пока не помер окончательно. Авось пронесёт».

— Ладно! — Чэнь картинно вздохнул. — Пусть будет по-вашему! Забирайте. Мальчишка-то, как отмоется, краше картинки станет. Грамоте обучен, послушный...

Управляющий прервал его коротким жестом. Один из его людей бросил на стол увесистый кошель. Чэнь, взвесив серебро на ладони, довольно осклабился и поспешно протянул контракт. Сделка была закрыта.

Цзыцзюнь замер с куском лепешки во рту. «Неужели? Неужели я кому-то понадобился в таком виде? Неужто нашёлся такой дурак?»

И тут до него дошло. Они не местные. Значит, это не люди Чжана.

«Ну и пусть, — мелькнула шальная мысль. — Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Лучше на каторгу, чем в наложники к старику».

Сборы были недолгими — у него просто ничего не было. Господин Цзя торопился. Когда они уже выходили к лошадям, к воротам, задыхаясь от бега, примчался молодой парень. Увидев Цзыцзюня, он едва не разрыдался:

— Молодой господин! Что происходит?! Куда они вас забирают?!